

Stola D. Finanse PZPR // Centrum władzy w Polsce 1948–1970 / red. A. Paczkowski. Warszawa, 2003.

Stola D. Finanse PZPR w jej ostatnich latach // *Więź*. 2000. № 3.

Stola D. Kraj bez wyjścia? Migracje z Polski 1949–1989. Warszawa, 2010.

Stola D. Partia i jej finanse // PZPR jako machina władzy / red. D. Stola, K. Persak. Warszawa, 2012.

Stola D. Wielki majątek, którego nigdy nie było // *Rzeczpospolita*. 1997. № 64.

Stola D. Złote lata PZPR: finanse partii w dekadzie Gierka. Warszawa, 2008.

Świda-Ziemia H. Robotnicy lat pięćdziesiątych // Elity władzy w Polsce a struktura społeczna w latach 1956–1981 / red. P. Wójcik. Warszawa, 1994.

Tczew przy pracy // *Dziennik Bałtycki*. 25. 05.1945. № 6.

W przededniu konferencji // *Głos Wybrzeża*. 23.06.1949. № 170.

Zambrowski R. O „centralizmie demokratycznym” // *Głos Wybrzeża*. 13.12.1948. № 353.

УДК 94(470.54).084.8:331.108.2

А. П. Килин

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТА ВОЙНА»? СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ИРБИТСКОГО МОТОЦИКЛЕТНОГО ЗАВОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мобилизационная экономика военного времени позволяет увидеть закономерности функционирования планово-распределительного механизма хозяйствования в предельно концентрированном виде. В центре внимания статьи оказываются проблемы создания оптимальных социально-бытовых условий, обеспечивавших жизнедеятельность трудящихся Ирбитского мотоциклетного завода в годы Великой Отечественной войны. В качестве основных направлений деятельности рассматриваются мероприятия, нацеленные на создание механизмов обеспечения со стороны предприятия, а также самообеспечения со стороны самих работников продовольствием, предметами повседневного спроса и жильем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война, Ирбит, Ирбитский мотоциклетный завод, питание, ВКП(б), быт, жилье, столовая, снабжение, самообеспечение, товар, рынок, план, карточки, нормирование, распределение, дефицит, ресурсы, обеспечение, рабочие, ИТР, тыл.

Война — это не только столкновение противоборствующих сторон на линии фронта и боевые действия, которые решают исход войны. Война — это экономика, производство, способное обеспечить всем необходимым

фронт в условиях дефицита ресурсов, это социальная инфраструктура, адаптированная к суровым реалиям, война — это и культура, идеология, менталитет населения.

Годы Великой Отечественной войны, как период экстремальный, обострили ситуацию, ужесточили условия существования для подавляющего большинства населения нашей страны, сместили акценты в решении проблем снабжения и социального обеспечения граждан. В условиях военного времени вопросы социального обеспечения, материально-бытовых условий труда и быта граждан в тылу поднимались на самых разных уровнях управления, в партийных, профессиональных и советских организациях. Что служило причиной данных обсуждений?

Можно говорить о преимуществах властей в решении вопросов социального обеспечения до и во время войны и традиционной их второстепенности по сравнению с производственными задачами. Уровень благосостояния человека напрямую связывался с выполнением плановых заданий, а социальная дифференциация в потребительской сфере получала свое обоснование на основе той роли, которую гражданин играл в производственном процессе. «От каждого по способностям — каждому по труду» — этот принцип декларировался повсеместно, а его нарушение вызывало недовольство, в том числе в годы войны.

Не стоит рассматривать 1941–1945 гг. как совершенно уникальный период. Разумеется, условия военного времени скорректировали «правила игры» и экономика СССР была трансформирована, иначе победа в войне стала бы проблематичной. Традиционные черты советской модели хозяйствования были ориентированы на мобилизационную модель экономики, поэтому в условиях войны проявлялись сильнее.

«Так уж устроена система управления в России, что определяющими являются процессы мобилизации и перераспределения (а в спокойном, некризисном состоянии — поддержание готовности к мобилизации)» [Прохоров, с. 35]. Парадокс ситуации заключался в том, что в условиях жесткой централизации и директивного планирования находилось место и децентрализации, ослаблению жесткого государственного контроля. Ослабление прямого администрирования происходило, когда из-за дефицита или полного отсутствия государственных ресурсов требовалось «включить» механизм самообеспечения как хозяйственных единиц, так и индивидуумов. В своей работе «Русская модель управления» А. П. Прохоров отмечает наличие этих тенденций:

В случае с эвакуацией можно выделить следующие управленческие факторы, обеспечившие положительный результат: во-первых, мобилизация и перераспределение ресурсов на ключевые направления; во-вторых, создание централизованных контрольных (а при необходимости и контрольно-

репрессивных) структур; в-третьих, автономность низовых подразделений. Эти же факторы имели решающее значение и в других примерах успеха русской модели управления на протяжении всей российской истории [Прохоров, с. 25].

Централизованная плановая экономика не могла быть изменена в столь короткие сроки, но она была приспособлена, «заточена» под мобилизационную модель, предполагала абсолютное доминирование государственной, распределительной системы, ориентировалась на относительно низкий уровень потребления.

Какова роль социально-бытовых условий граждан в мобилизационной экономике? Исходя из приоритета производственных задач, можно сказать, что это была второстепенная роль, ресурсное обеспечение этой сферы осуществлялось по остаточному принципу. Однако именно данный факт предопределил значительное (иногда доминирующее) место, которое занимала проблема обеспечения (либо самообеспечения) в сознании населения, при этом доля временных и физических усилий, направленных на получение материальных благ, была сопоставима с затратами на производстве.

Советское общество порой называют «обществом распределения» — по аналогии с «обществом потребления». В данном определении функция распределения противопоставляется процессу производства. Можно говорить о доминировании распределительного механизма над процессами производства, так как в условиях глобального дефицита основная доля усилий тратилась на обеспечение себя и членов своей семьи необходимыми материальными благами. Стопроцентная занятость не гарантировала стопроцентное обеспечение необходимыми материальными благами, в том числе продуктами питания.

Применительно к более раннему этапу — нэпу — можно привести воспоминания Виктора Сержа (Кибальчича) о времени, проведенном в Москве: «Слова святого Павла, которые были вывешены везде на плакатах: “Кто не работает, да не ест!”, становились ироничными, потому что, если вы хотели какой-нибудь пищи, вы на самом деле должны были посещать черный рынок вместо того, чтобы работать» [Серж, с. 142–143]. С 1920-х гг. многое изменилось, распределительный механизм совершенствовался, но за ростом потребностей не успевал.

Практика распределительного механизма, основанная на иерархии потребления, которая сложилась в 1930-е гг., давала о себе знать и в годы войны. Дефицит продуктов, усугубленный приоритетным удовлетворением нужд фронта, с неизбежностью диктовал выработку механизма нормированного распределения исходя из интересов производства. Складывалась пирамида приоритетов: стратегический, производственный, ре-

сурсный, социальный. Стратегический включал в себя национальную безопасность, стратегические интересы государства, направленные в годы войны на сохранение государственного суверенитета. Производственный — удовлетворение потребностей, связанных с ведением военных действий, обеспечение фронта всем необходимым, что, в свою очередь, предопределяло приоритеты в развитии секторов экономики и ранжирование производственных предприятий по отраслям. Ресурсный — обеспечение производства как сырьем, так и трудовыми ресурсами. Социальный — поддержание на оптимальном, предельно допустимом уровне функционирования социальной сферы во всем ее многообразии.

Рассматривая историю различных промышленных предприятий и строительных организаций Урала и Сибири, убеждаешься, что их развитие никогда не ограничивалось исключительно производственными задачами. В хозяйственный комплекс всегда включались объекты, которые не имели непосредственного отношения к выполнению плана, но позволяли обеспечить «социальную защищенность», компенсировать дефекты централизованного распределения и декларируемого равенства в распределении материальных и культурных благ. Речь идет о вспомогательных производствах (цеха по производству товаров широкого потребления); подсобных хозяйствах («зеленые цеха», производящие сельскохозяйственную продукцию); объектах социальной инфраструктуры (детские ясли, сады, пионерские лагеря, дома отдыха, подшефные школы, больницы, поликлиники и т. п.).

На наш взгляд, важно воссоздание не только процесса социально-бытового обеспечения, но и отношение людей к этому процессу — например, соотношение патерналистских, иждивенческих настроений и проявление личной инициативы, использование механизмов самообеспечения; соотношение готовности к самоограничению на уравнительных началах и негатива в отношении механизма распределения, который нарушает принцип справедливости.

Интерес исследователей к данным проблемам усиливается. Следует назвать монографию И. В. Нарского, в которой разбирается «стратегия выживания» населения в годы Гражданской войны [см.: Нарский]. В. В. Соловьева в своей диссертации [см.: Соловьева] рассматривает различные приемы и практики адаптации рабочих промышленных предприятий Урала в годы Великой Отечественной войны, среди которых упоминается и Ирбитский мотоциклетный завод. Привлекает внимание слово «адаптация», которое выражает непрерывный и сложный процесс приспособления человека к изменяющимся условиям жизни в рамках системы, которая в своих стратегических целях ориентировалась на выполнение идеологи-

ческой сверхзадачи. Разумеется, что в условиях войны для «адаптации» приходилось прикладывать намного больше усилий.

Война — период экстремальный, нарушающий течение обыденных, рутинных дней. Однако длительная война вырабатывает определенный ритм, своего рода рутину военного быта. Разумеется, в условиях войны существует целый ряд объективных причин для ограничения потребления, но, как отмечали сами работники предприятия, порой проблемы связаны не столько с войной, сколько с плохой организацией снабжения. По их мнению, нельзя все списывать на войну, это не индульгенция ошибок, беспхозяйственности, нельзя до бесконечности использовать энтузиазм и идеологические лозунги, прикрывая ими низкое качество управления. Заместитель директора завода Лапин выразился предельно четко: «... в отношении материально-бытового обслуживания притупилась чуткость. Многие все списывают на войну, во всем виновата война. Нет обуви — война, нет одежды — война, нет материалов — война, нет дров — война...» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 121]. Вспоминается фраза, относящаяся к периоду Гражданской войны, из повести М. А. Булгакова, но применимая и к данной ситуации: «...разруха не в клозетах, а в головах» [Булгаков]. Беда в том, что порой и уборных не было. Представитель технологического бюро Костомаров поднимал этот вопрос на партийном собрании: «... для меня не ясен вопрос, кто должен позаботиться о том, чтобы в цехах были уборные, уборных в цехах нет, и рабочие бегают кто куда сможет» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 115].

В условиях дефицита ресурсов происходил перенос ответственности за обеспечение населения предметами первой необходимости с вышестоящих организаций, которые занимались централизованным распределением, на директоров заводов либо на самих работников. Чем острее была проблема, чем больше дефицит, тем ниже опускался уровень решения проблемы, вплоть до конкретного человека, таким образом, самообеспечение вытесняло централизованное снабжение.

Иерархия оценок деятельности руководителя и соответственно мера санкций за их невыполнение формировали повестку дня директора предприятия. Первостепенную роль играло выполнение производственного задания, особенно если речь шла о военных заказах. Бытовые проблемы, будь то условия труда, жилищные условия, питание, одежда и обувь, находились на периферии и выходили на авансцену, если их обсуждение инициировалось в высших партийных инстанциях. Условия военного времени давали для такого подхода массу морально-этических оправданий: «всем тяжело», «на фронте люди жизнью рискуют», «страна в опасности».

В рамках данной статьи ставится вполне реальная и скромная задача — рассмотреть проблемы функционирования системы социально-бытового обеспечения работников промышленного предприятия Ирбитского мотоциклетного завода (ИМЗ), расположенного в тылу на Урале.

Рассмотрение реальных проблем социально-бытового обеспечения трудящихся на конкретном предприятии в определенных исторических условиях может послужить обоснованием изложенных общих положений и в то же время являться самоценным и самодостаточным повествованием, которое передает атмосферу исторического прошлого, представляет пример (пусть и довольно типичный) адаптации населения к суровым условиям существования. Данное исследование может быть отнесено к столь популярному в последнее время направлению «истории повседневности». С субъективной же точки зрения, этот материал впечатляет как своей обыденностью (проблемы являются типичными и для довоенного, и для послевоенного периода отечественной истории), так и творческим подходом к решению проблем (когда требовалось из «ничего» сделать «что-то» и еще «вчера»).

Вопросы социально-бытовых условий поднимались на партийных собраниях ИМЗ неоднократно. По традиции эти обсуждения инициировались на более высоком уровне, а затем «спускались» в низовые партийные организации с некоторым опозданием. 13 декабря 1941 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О фактах неправильного, позорного отношения бюро Златоустовского ГК и его секретаря Устинова к нуждам трудящихся города». Основные положения нашли отражение в передовой статье газеты «Правда» от 5 января 1942 г. «Забота о бытовых нуждах населения». На региональном уровне 6 февраля 1942 г. вышло постановление бюро Свердловского обкома ВКП(б) «О материально-бытовом обслуживании трудящихся», основанное на публикации в газете «Правда». В 1944 г. выходят постановления Государственного комитета обороны «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров...», «О жилищном и культурно-бытовом строительстве...» для Свердловской, Челябинской и Молотовской областей, что вызывает новую волну обсуждений в низовых партийных организациях [Соловьева, с. 58, 61, 64].

Летом 1942 г. на партийных собраниях ИМЗ активно обсуждались проблемы в социальной сфере, были даны следующие поручения руководству завода: «...наладить питание, социальное обеспечение, в т. ч. медицинское; улучшить работу в общежитии; наладить работу подсобного хозяйства; обеспечить огородами всех желающих рабочих и служащих» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 1–3 об.]. Поручения выполнены не были,

ситуация не менялась к лучшему, и вновь, уже осенью 1943 г., активно велись дискуссии относительно организации быта рабочих. Обсуждение этих тем выходило за пределы закрытых и открытых партийных собраний, отражалось на страницах газет, в том числе по итогам проверок советских органов. Социально-бытовые условия трудящихся ИМЗ всегда находились на уровне ниже среднего по городу Ирбиту. Разумеется, эвакуированные предприятия не имели той материально-технической базы, не обладали соответствующей инфраструктурой по сравнению с «аборигенами» — местными предприятиями. Специфика ситуации заключалась в том, что часть оборудования и сотрудники были эвакуированы из Москвы, частично с территории Украины. Естественно, люди надеялись в скором времени на реэвакуацию. Ощущение временности, непостоянства пребывания в Ирбите очень сильно дезориентировало людей, не позволяло строить рациональные планы по созданию оптимальных и стабильных социально-бытовых условий на перспективу. «Если мы тут на год-два, то можно и потерпеть. Ведь идет война». Однако руководством Наркомата среднего машиностроения было принято решение оставить созданное в период эвакуации предприятие в Ирбите. Это решение шло вразрез с ожиданиями подавляющего большинства эвакуированных, главным образом москвичей. По инерции даже после принятия решения о сохранении предприятия в Ирбите «чемоданные настроения» не пропадали. Этим обстоятельством отчасти можно объяснить остроту проблемы социально-бытового обеспечения на ИМЗ [см.: Килин].

Завод, цех, конкретное рабочее место были сосредоточением массы функций, пространством, где человек проводил большее время суток, а его производственная деятельность позволяла претендовать на получение материальных благ и услуг. Грань между бытовыми условиями на производстве и в личной жизни была практически незаметной, так как работа гарантировала, пусть потенциально, доступ к благам, а цех мог являться местом жительства более предпочтительным, чем место в общежитии.

Иерархия распределения продовольствия и предметов первой необходимости находила свое отражение в карточной системе, которая ориентировалась на значимость различных социальных категорий для выполнения и перевыполнения производственной программы. В особую, привилегированную категорию попадали стахановцы. Однако этот статус не гарантировал ни легитимности привилегий, ни гармонии в коллективе, поскольку вызывал недовольство как со стороны рядовых рабочих (другие работают больше, но стахановцами не считаются), так и со стороны самих стахановцев, которые не могли воспользоваться своим правом. В своем выступлении начальник литейного цеха Бобман отмечал:

О стахановском движении могу сказать, что стахановцы есть, но этой работой никто не занимается. Мы не знаем, кого считать стахановцем. Многим рабочим торжественно выдали стахановские книжки, в которых было написано, что стахановцы получают разные продукты: водка, папиросы, мыло, капуста, картошка и т. д., а на самом деле по этим книжкам ничего не дают. Нужно было в этих книжках указать, когда будут выдаваться эти продукты, в этом году или в будущем. Тов. Крамер говорит, что можно выдать продукты, а когда рабочие приходят в магазин, Маруся отменяет распоряжение директора. Нужно сейчас же исправить такое положение, не нужно заниматься надумаловкой [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 24].

Особым «сословием» в распределительной пирамиде считались управленческие и инженерные кадры. Более высокий уровень заработной платы давал им возможность приобретать товары на вольном рынке, более высокие нормы снабжения устанавливались исходя из их значимости в процессе производства, они имели прямой доступ к распределительному механизму, непосредственно были задействованы в распределении материальных благ. Речь шла о выделении не только продуктов первой необходимости, но и мотоциклов и топлива к ним. Их особый статус неоднократно оспаривался рядовыми работниками. Отмечен случай, когда в несправедливом распределении ресурсов увидели способ проявления лояльности к начальству, скрытую форму взятки. Головкин (газосварщик): «Зачем к нам приезжает начальник Главка, какую конкретную помощь он нам оказал в вопросе пуска ТЭЦ? В прошлом году он приезжал, сейчас приехал, а что он сделал, чем помог? Они приезжают только отдохнуть у нас и подкормиться, а то, что программа выполняется на 20–30 %, это их не беспокоит» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 50].

Еще одним фактором, влиявшим на положение в иерархии распределения, было членство в общественных организациях. Этот фактор имел опосредованное значение; так, при создании комсомольско-молодежных бригад, ориентированных на повышение производительности труда, предполагалось особое отношение руководства к ним как в производственном, так и в социальном плане. Руководители этих бригад сделали себе хорошую карьеру в партийных и советских организациях.

Особое отношение при распределении материальных благ требовали к себе и наименее защищенные слои населения, люди с ограниченными возможностями или дополнительными потребностями, те, кто в силу обстоятельств не мог рассчитывать ни на снабжение со стороны предприятия, ни на самообеспечение. В протоколах партийных собраний речь идет о следующих категориях: женщины, дети, семьи фронтовиков, демобилизованные, инвалиды, больные (туберкулез и дистрофия). Проблемы снаб-

жения этих категорий всплывают лишь эпизодически, поскольку не связаны напрямую с выполнением производственной программы.

Особое место в дискуссиях по вопросам социально-бытовых условий занимает оценка справедливости или несправедливости в распределении материальных благ. В протоколе партийного собрания партийной организации ИМЗ от 25 сентября 1943 г. в повестке дня значился пункт: «Доклад директора завода Макарова о мероприятиях по коренному улучшению материально-бытовых условий трудящихся». В обсуждении активное участие приняли рабочие, в частности Сапронов, который настаивал на равенстве в распределении спецодежды:

...все отделовские (представители инженерно-технических работников — ИТР. — *А. К.*) работники ходят в телогрейках, а мы, рабочие, их не имеем. У нас на 80 человек, нуждающихся в одежде, — выдали 10 телогреек. ...Так было при старом руководстве (прежнем директоре. — *А. К.*), так делается и при новом руководстве... начальники цехов имеют по 2–3 спецовки. Никто не говорит, что они не должны получать спецодежды, но получать не по 2–3 раза в год, а достаточно и 1 раз в год [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 122].

Распределение благ являлось стимулом к труду, а лишение благ — санкцией, весьма суровой. В материалах партийных собраний упоминаются случаи, когда нарушители трудовой дисциплины лишались продовольственных карточек. За неимением альтернативы они вынуждены были подчиняться решениям руководства предприятия. Виктор Никитич Полевский (директор завода с декабря 1941 по июль 1943 г.) на закрытом партийном собрании в августе 1942 г., описывая проблемы с трудовой дисциплиной в среде ИТР, отмечал: «Правда за последние дни невыходы на работу уменьшились, так как я приказал отбирать хлебные карточки, и производство опять входит в нормальные условия» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 28].

В работе, созданной на основании воспоминаний заводчан, приводится пример более жестких мер:

В годы войны мотозаводцы работали по очень жесткому графику. Был установлен 12-часовой рабочий день для взрослых и 8-часовой для подростков. Действовала строжайшая дисциплина. За опоздание на 15 минут работник лишался хлебной карточки на 200 граммов хлеба (норма была 500–700 граммов в сутки). За большее опоздание человека привлекали уже к уголовной ответственности [Буланов, Живулин, с. 214].

Еще одним направлением деятельности предприятия, направленного на решение бытовых проблем, является создание условий для самообеспечения предприятия и его сотрудников. Среди основных мер: выделение

земельных участков для обработки огородов, создание подсобного хозяйства, организация бригад рыбаков и охотников. Как показывает опыт, самостоятельно обрабатывать личные огороды смогли не многие. Отмечаются случаи, когда для этих целей выделялись подчиненные. Председатель профсоюзного комитета Федорович: «Выполнению программы мешают такие факты, что начальники цехов снимают с работы рабочих и посылают копать их огород, а когда рабочий просится на свой собственный огород, его не пускают. Так сделал начальник инструментального цеха тов. Кацеленбоген — этот факт проверяется, если будет установлено, что Кацеленбоген действительно сделал так, то мы привлечем его к ответственности» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 92 об.]. В протоколе партийного собрания ИМЗ от 15 июля 1944 г. отражено мнение председателя огородной комиссии завода тов. Михайлова о состоянии коллективных огородов: «...коллективный огород комсостава не пропалывался, был в запущенном состоянии, поэтому решили его разделить на индивидуальные огороды и распределить между заводчанами... Имеются случаи хулиганского поведения отдельных огородников из прессового цеха, занимающихся порчей и хищением овощей...» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 186].

Охотники и рыболовы также не в полной мере оправдывали ожидания. «В летний период ОРСом (отделом рабочего снабжения. — А. К.) была организована бригада рыболовов, всего улов составил 1300 кг. Проводилась дец[ентрализованная] заготовка мяса, за два кв[артала] 1944 г. получено 700 кг. За летний период заготовлено около 2,5 тонн грибов» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 6, л. 27]. По традиции вызывали вопросы принципы распределения полученных продуктов. Начальник механического цеха Левитин ставит вопрос: «...в плане намечена рыбная ловля и охота. Это вещь хорошая, но как будут распределять рыбу и дичь, кто будет пользоваться ими, об этом надо подумать» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 122].

Еще одним внутренним ресурсом, который требовалось эффективно использовать в условиях дефицита, было производство на заводе товаров широкого потребления (алюминиевые кастрюли, чугунные сковороды, плиты, утюги, утятницы, пепельницы, ведра, тумбочки, железные кровати). Эта продукция могла использоваться как средство обмена в период децентрализованных заготовок в сельской местности или удовлетворять потребности самих работников либо обмениваться ими на вольном рынке. В качестве примера начальник литейного цеха Векслер ссылается на свой прежний опыт: «В Москве по ширпотребу гнали впереди производственной программы и люди были заинтересованы, а у нас это дело движется

по воле волн. Наш цех может давать плиты, утюги, другие цехи тоже могут изготавливать различные предметы ширпотреба. Нужно только людей заинтересовать, и дело пойдет» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 122].

Заместитель директора завода Лапин стремится перевести критические высказывания в свой адрес в иное русло:

...вопрос ширпотреба. Наши начальники цехов не прочь покритиковать обеды, а помочь ОРСу заготовить кое-какие продукты они не хотят. Они могли бы у себя из отходов без ущерба для производства сделать кое-какие предметы для обмена на продукты, а они этим не занимаются. На Автоприцепе (соседнее предприятие, расположенное в Ирбите. — А. К.) делают хорошие тарелки, а у нас сборку замков не могут организовать [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 121].

Немчиков (начальник ОРС):

С дец[ентрализованной] заготовкой дело у нас плохо. Нет транспорта. Нам отвели район, где был недород. ...В подшефных колхозах можно кое-что приобрести, но им нужно дать что-нибудь или отремонтировать что-нибудь из сельскохозяйственного инвентаря. Нам разрешили расходовать картофеля 11 тонн в месяц, это очень мало. У нас отобрали 97 тонн картофеля, для нас это очень тяжело. Молоко даем беременным женщинам и стахановцам. В дальнейшем молоко будет выделять завком по талонам [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 37].

Работа столовых, вполне ожидаемо, вызывала массу претензий. Отметим, что именно наличие столовых и пусть минимальное обеспечение их продуктами позволяло большинству рабочих выжить в условиях военного времени. В 1943 г. в ведении ИМЗ находилось пять столовых, рассчитанных на 228 посадочных мест. За год было отпущено 1,1 млн блюд [ЦДООСО, ф. 2174, оп. 1, д. 3, л. 18]. Количественные показатели, приведенные в отчете руководства, контрастировали с оценкой качества работы столовой. Деменков (заместитель, затем секретарь партийной организации завода, с марта 1943 г. начальник цеха коробки скоростей) отмечал:

В выполнении производственного плана большую роль играет общественное питание, а нам кроме «дер[евенский]суп» ничего не дают. На завтрак «дерсуп», на обед «дерсуп» и на ужин «дерсуп». И так все время. В столовой тарелок нет, заведующая говорит, что Немчинов не дает, кушанья готятся не вкусные, недосоленные, просишь соли, говорят, что ты рвач, делаешь замечание, что каша... с песком — заведующая говорит: «Я мыть крупу не буду» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 91–91 об.].

Рабочие говорят и о прочих проблемах в работе столовых. В частности, Берков отмечает: «...также в отношении полов [в столовых] щели, холод, мыть нельзя, вода замерзает и покрывается льдом. Далее надо

застеклить рамы. Мы улучшим качество пищи и выделим кадры для поваров». Его поддерживает газосварщик Головкин: «Мы говорим: столовая грязная, посуда, ложки не моются, а посмотрите сами работники столовой дошли до чего — их самих надо мыть» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 256]. Парторг ЦК ВКП(б) на заводе Кузнецов, подводит итоги обсуждения:

...тов. Деменков, у вас до сих пор находятся продукты в Свердловске, т. е. третий месяц такое же положение с маслом, когда этого не должно быть. ...Надо проверить снабженцев в Свердловске. Надо послать туда человека для наведения порядка. ...В части очередей неправильно, дисциплина должна быть определенная, должны быть дежурные в залах, которые должны разрешать вопросы хлеба, питания и т. д. Есть также бездельники, которые сидят в столовой по 3–4 часа и занимаются воровством карточек. Надо навести порядок, поставить дежурных. Систематического снабжения работающих мылом, солью, табачными изделиями, спичками и водкой — не было. Снабжение хлебом торговых точек происходит за последний период с перебоями, и в столовых имеют место случаи отсутствия хлеба в обеденные часы. Улучшить качество приготовления питания для стахановцев за счет разнообразия блюд и улучшить их обслуживание за счет квалифицированных официанток и раздатчиц [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 256–258].

Разумеется, что у соседа всегда все лучше, поэтому сравнение с «Автоприцепом» встречается часто. Парторг ЦК ВКП(б) Кузнецов: «По части Деменкова, он беззубость проявил, в столовой грязь, посмотрите, как в столовой Автоприцепа — чистота, умывальничек, гардины, картины, лучше, чем у нас директорская, там рабочие отдыхают...» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 242]. В данной реплике упоминается директорская столовая, что подтверждает наличие иерархии в потреблении. В планах было создание столовой комсостава, а также отдельной столовой для туберкулезных больных. У нас нет информации, была ли она создана.

Член партийного бюро ИМЗ Харитонов в ноябре 1943 г. обращает внимание еще на одну проблему:

Я хочу сказать насчет питания детей. У меня сейчас лежит 250 [справок] больных детей, нуждающихся в усиленном питании, и я могу удовлетворить просьбу только на 100 чел. — выдать пропуска в детскую столовую. Далее, мы получали молоко для детей хотя и мизерный фонд, но и тот ОРС отнял детское с[пец]молоко. Нужно поставить вопрос, чтобы детей обеспечили молоком, а с[пец]молоко добиться другим путем. Насчет туберкулезных карточек — мало, надо добиться больше, а также выделить для них столовую [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 255].

В мае 1944 г. детская столовая на 100 мест была закрыта, а в качестве компенсации детям выдавалось молоко в количестве 20 литров ежемесячно [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 6, л. 33]. В сентябре 1944 г. при обсуж-

дении работы охраны предприятия речь зашла о пропускном режиме в столовых, из которых было запрещено выносить продукты. Вахтер Чебоксарова (или в другом варианте Чебоксарова) рассказывала: «Мы, вахтеры столовых, работников с продуктами не выпускаем с завода, а начальник караула пропускает. Рабочие, которые сами не едят, несут домой для детей, так им не разрешается выносить, и сколько ни говори — нам отвечают — не ваше дело. С талонами на д[детское/диетическое] питание т. Сайфулин занимается продажей» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 215]. Начальник караула Сайфулин оправдывается: «Работая около года в вахтерской охране нарушений с моей стороны не было. Тов. Чебоксарову сняли с проходной за отлучку от поста и направили в 7 проходную. В столовую пропускались двое детей фронтовиков и 10 чел. по разрешению директора завода и нач[альника] цеха с талонами на д[детское/диетическое] питание, раздаем работникам» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 215]. Раскин: «...я считаю, в ближайшее время поставить охрану в столовой и пропускать по пропускам в положенные часы» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 149]. По итогам рассмотрения данного дела Сайфулина сняли с поста начальника караула и перевели в разряд «простого бойца». Таким образом, сама процедура доступа в столовую и возможность выноса продуктов являлась привилегией и могла варьироваться в зависимости от субъективных обстоятельств.

Помимо участия в системе планового распределения, централизованного самообеспечения у граждан была возможность приобрести товары за деньги, попросту купить их. Покупка по государственным ценам, по сути, не отличалась от распределения, так как осуществлялась по карточкам, и лишь приобретение на рынке по коммерческим, вольным ценам являлось реальной альтернативой. Однако цены были высоки, и позволить себе покупку могли немногие. Прежде всего те, кто получал относительно высокую заработную плату — и получал ее вовремя. Костомаров: «Хочу обратить внимание партсобрания на то, что наш отдел два месяца не получает заработной платы и работники не имеют на что жить, для того чтобы получить деньги на обед, приходится иногда продавать свою дневную норму хлеба» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 123].

Рынок представлял собой сложный конгломерат различного рода экономических формальных и неформальных отношений, в том числе нелегальных. Работники завода, включая членов и кандидатов в члены ВКП(б), посещали рынок наряду со всеми. На заседаниях партийного бюро и на партийных собраниях регулярно рассматривались личные дела коммунистов, связанные с утратой партийных документов. По нашим наблюдениям, абсолютное большинство членов или кандидатов в члены партии

теряли свои документы именно на рынке, где их в том числе могли украсть вместе с кошельком, деньгами и продовольственными карточками.

По традиции на городском рынке помимо купли-продажи был возможен бартерный обмен. Установить происхождение товара можно было без труда. Выступая на партийном собрании, Александр Михайлович Макаров (директор завода с июля 1943 г. по 1948 г.) критически отозвался о стремлении некоторых начальников цехов снять контрольные функции за распределением материальных благ, в частности спецодежды:

Я здесь человек новый, но уже убедился в том, что здесь была такая система — обещать и ничего не делать. ...Я не могу согласиться с выступлением т. Левитина (начальник механического цеха. — А. К.), он хочет изолировать себя от всех проводимых мероприятий на заводе. Начальник цеха должен быть отцом для своих рабочих, должен знать, в каких условиях живут его рабочие, в чем они нуждаются. Он должен знать, попадет ли выдаваемая телогрейка ему в руки, или она попадет в руки спекулянта [ЦДО-ОСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 118].

Базар, рынок и механизмы его функционирования привлекают внимание к правовым аспектам проблемы. Рыночные отношения можно подразделить на «белый», «серый» и «черный» сегменты, на легальные и нелегальные каналы поставок продуктов на рынок и механизмы их реализации. Легальный обмен был возможен в отношении тех товаров, которые находились в избытке или по крайней мере не были в большом дефиците. В этом случае, как правило, возникали проблемы с их качеством. Большинство товаров находилось в дефиците, и их распределение или перераспределение осуществлялось на рынке по нелегальным, криминальным каналам (фиктивное распределение, кража или хищение продуктов и карточек, злоупотребление служебным положением). В связи с тем что частное производство в годы войны могло функционировать в очень ограниченных рамках, основная масса продуктов, попадающих на рынок, была фабричного производства или составляла личное имущество граждан.

До последнего времени в столовых ОРСа и агентами продолжается хищение продуктов. Недостача 20 кг конфет у Хотимского. Недостача бочки рыбы, 180 кг крупы и сала у кладовщика столовой № 2 Плехановой. На все оформлен материал прокурору и мер никаких не принято. Партийное бюро и завком писало об этих безобразиях и прокурору, и ГК ВКП(б), и последствия неизвестны, люди не наказаны [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 6, л. 27–28].

Таким образом, сотрудники ИМЗ могли выступать на рынке не только как потребители, но и как посредники.

Жилищный вопрос «испортил» не только москвичей, он не облагораживал и ирбитчан. Как отмечали заводские работники, после работы

порой идти домой не хотелось. Костомаров описывает свое состояние в минорно-лирических тонах: «Наши рабочие, не все, а многие из нас, после восьмичасового рабочего дня, выйдя с завода, думают — куда пойти сегодня, чтобы провести вечер. Домой не хочется, там холодно, пойти ли в кино или пойти куда-нибудь к товарищам в теплую квартиру» [ЦДО-ОСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 123]. В резолюции партийного собрания ИМЗ от 27 октября 1943 г. говорилось: «...просить бюро ГК ВКП(б) произвести немедленное переселение рабочих Мотозавода, проживающих в затопленных подвальных помещениях, и обязать прокуратуру города прекратить практику выселения из частного жилого сектора рабочих Мотозавода» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 135]. То, что владельцы частного жилья притесняют рабочих, ставят их в невыгодные условия, периодически всплывает в архивных материалах.

Проблема жилья могла хотя бы отчасти разрешиться только со строительством собственных домов, поскольку приток эвакуированного населения просто захлестнул город. Чтобы разместить приезжих, использовались такие меры, как заселение в непригодные для жилья помещения (кинотеатр, например), ремонт ветхого жилья, подселение в частный сектор — на договорных условиях или по разнарядке, предоставление мест в общежитиях.

Вопросы жилищного строительства неоднократно обсуждались на партийных собраниях. Среди причин, которые не позволяли обеспечить завод собственным жильем, назывались следующие: приоритет производственного строительства (шло возведение новых корпусов ИМЗ), дефицит строительных материалов и рабочей силы (на строительство привлекались пленные немцы), срыв сроков строительной организацией, низкое качество сдаваемых объектов, необходимость ликвидировать недоделки собственными силами, отсутствие инфраструктуры.

Решением ГОКО (Государственный комитет обороны СССР. — *А. К.*) от декабря 1942 г. Военстрой должен был построить в 1943 г. 2000 м² жилой площади, в том числе в первом квартале 800 м². Выстроено два двухэтажных каркасно-засыпных дома облегченного типа, общей площадью 740 м². Ввиду исключительно безответственного ведения строительства, дома имеют ряд больших недоделок, как-то: не остеклены внутренние переплеты, не повешены оконные и дверные приборы, совершенно отсутствуют постройки коммунального обслуживания и т. д. [ЦДООСО, ф. 2174, оп. 1, д. 3, л. 6].

На партийном собрании 15 сентября 1943 г. при обсуждении вопроса о подготовке завода к зиме и строительстве жилого поселка с докладом выступил заместитель директора завода по строительству тов. Гамов: «По жилищному строительству мы должны были построить и сдать в эксплуатацию

2000 м². Военстрой закончил вчерне один дом, и то половину этого дома он занял под свою контору. Еще будет один дом в сентябре. Раньше ничего в этом году не будет. Надо будет обратиться в Горсовет, чтобы нам дали старые дома, которые можно отремонтировать и вселить в них наших рабочих» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 112]. Показательна оценка качества строительства, которую дал директор завода Макаров: «Военстрой — строит жилые дома. Стоит задача перед партийной организацией — делать полученные дома пригодными для жилья» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 59]. Парторг ЦК ВКП(б) Кузнецов: «За весь период строительства завод получил 1550 м² жилой площади (данные на сентябрь 1944 г. — А. К.) и 1000 м² полезной площади находится в стадии окончания. Но что нам строители сдают: решето, без света, нет сараев, народ мучается, а не живет, и, несмотря на неоднократные требования руководство завода, пробить не можем. ГК ВКП(б) и Обком ВКП(б) обязаны вмешаться в это дело и оказать практическую помощь» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 6, л. 21]. Требования к качеству жилья ужесточались по мере того, как работники понимали, что это жилье для них не временное, а постоянное.

Одним из способов решения жилищного вопроса являлся «самострой» или индивидуальное жилищное строительство. Оно, в свою очередь, было ограничено дефицитом ресурсов — как временных, так и материальных. Еще одной преградой являлась психология. Многие из эвакуированных надеялись со временем вернуться на прежнее место жительства и вкладывать собственные средства в индивидуальное строительство считали нецелесообразным. Оригинальный выход предложил инженер Матвеев, изобретение которого не нашло понимания в среде партийного руководства. Об этой идее на закрытом партийном собрании в августе 1943 г. при обсуждении отчетного доклада партбюро рассказал представитель горкома ВКП(б) Гигиняк:

Однажды явился к нам человек с портфелем и заявил, что он инженер Мотозавода, имеет интересный проект, просил принять, рассмотреть. Мы его приняли, и он нам представил проект домика на колесах, который в любой момент можно прицепить к паровозу или вагону и уехать вместе с домиком в Москву. Домик довольно комфортабельный. Мы сказали тов. Матвееву: «Сверните свой проект и никому не показывайте» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 105].

Продолжая тему индивидуального строительства, Гигиняк порекомендовал: «Нужно развивать и популяризировать индивидуальное строительство. Ведь не все настроены бежать с Урала, есть и такие работники, которые не захотят ехать отсюда и пожелают сделать себе дом. ...Нужно выдавать ссуды. ... Почему не поехать кому-нибудь на 25-й завод и не пред-

ложить взамен стекла какой-нибудь другой материал...» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 124]. Таким образом, очевидно, что ресурсное обеспечение индивидуального строительства перекладывалось на плечи предприятия или самих рабочих.

Не будет преувеличением сказать, что общежитие являлось «вечной» проблемой завода. Проблемой острой и хронической, которая вызывала широкий общественный резонанс, выплескивавшийся из стен завода в публичное пространство, на страницы газеты «Коммунар». Периодические проверки и конкурсы на лучшее общежитие, которые проводила городская администрация, давали повод для критики предприятия. Общежитие Мотозавода признавалось самым худшим. «Исключительно плохо в общежитиях Ирбитского завода. Крайне неудовлетворительно работают бани, колодцы» [Коммунар, 1943]; «Общежития к зиме не готовы. Редко там бывает вода для того, чтобы умыться, не говоря уже о большем. Не лучше и с топливом. Комсомольская организация этого завода (секретарь тов. Федорова) стоит в стороне от подготовки к зиме. Комсомольско-молодежные ремонтные бригады не созданы» [Коммунар, 1944].

Даже с поправкой на преднамеренное заострение проблемы на партийных собраниях с целью обратить на них внимание вышестоящих организаций картина все равно выглядит удручающе. Парторг ЦК ВКП(б) на Мотозаводе Тищевский:

...в общежитии на ул. Орджоникидзе, 64 в отдельные дни вода замерзала и замерзли цветы... Некоторые руководители, стремясь снять с себя ответственность, заявляют, что мол сейчас война. Да, это правильно, но никто права не дал, чтобы в общежития не подвозили дрова, не вставляли стекла, печи, матрацы, тумбочки и т. п. ...Плана не будет, если не создать элементарных бытовых условий... [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 37].

Федоров: «В общежития не завозятся дрова, ребята мерзнут и идут на то, что разваливают на топку заборы» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 38]. Бобман:

Начальники цехов не интересуются, как живут ремесленники, работающие в их цехах, а они живут отвратительно, с ними не ведется никакой работы, в результате в общежитии пропало 100 с лишним одеял, 200 простынь, все попорчено, поломано, доски с кровати сожжены. У нас есть целая группа воров, которая систематически обворовывала ремесленников: Шандрик, Зясин... Приехал в общежитие замдиректора на мотоцикле, и пока он был в общежитии, Шандрик сел в мотоцикл и уехал, машину потом нашли за кладбищем... В общежитии надо сделать сарай, а то в комнатах вместе с людьми находятся — петухи, козлы, козы и др. животные. Ясно, что в комнатах антисанитарные условия. ...Смена руководства на нашем заводе яви-

лась следствием того, что наш завод на протяжении многих месяцев не выполнял своей программы... В общежитии расхитили имущества на полмиллиона рублей... Детей ругали за то, что они сидят на кроватях, а в общежитии не было ни одной табуретки. Говорили, что дети грязно живут, а не давали простыней и наволочек [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 91–91 об; 101 об.].

Мац продолжает «детскую» тему:

Одному коменданту в общежитии работать очень трудно. Дети распущенные, воруют, я сейчас из милиции, 14 и 6 комнату забрали за воровство картофеля. Вы здесь говорите, что грязи, мусора много, да с ними ничего не сделаешь. Матрац зашьешь, они опять отпарывают и картошку прячут, и за ними не уберешься, говорить нельзя, морду набьют. Для наведения порядка нужна охрана, чтобы посторонние не ходили. Дрова и воду нужно аккуратно доставлять, чистить уборные и дайте печника почистить трубы и исправить трубы, а то все тепло уходит в трубу [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 104].

Термин «дети» в материалах встречается не так часто, как правило при обсуждении положения в общежитии или в связи с проблемами выполнения плана [Килин, с. 142–145]. В этой связи «детьми» называли несовершеннолетних работников предприятия. Были еще дети из семей сотрудников и военнослужащих (тех, кто ушел на фронт с завода), которые находились на их иждивении, не принимали участия в производственном процессе, и вопрос их снабжения рассматривался отдельно. Понять, о каких «детях» идет речь, можно только из контекста самого документа.

Помимо морального осуждения ответственных лиц за плохое состояние общежитий, пусть и со значительным опозданием, их настигало вполне конкретное административное наказание. «В общежитиях Ирбитского завода царила антисанитария... Народный суд 1-го участка за антисанитарное состояние общежитий заместителя директора завода по быту тов. Свердлова и начальника жилищно-коммунального отдела тов. Сергеева приговорил к 6 месяцам исправительно-трудовых работ каждого» [Коммунар, 1945].

Отметим, что даже получение заветных метров жилой площади не решало проблемы. Необходимо было сделать эти метры пригодными для проживания. Помимо ремонта, который производился порой собственными силами, эти помещения нуждались в отоплении. Учитывая продолжительность зимнего периода на Урале, эта проблема должна была решаться круглогодично. Весь процесс — от заготовки дров до их транспортировки — ложился на плечи самих заводчан. Вывоз дров — еще одна большая тема, поскольку она была связана с выделением транспорта и, как следствие, расходом топлива, отрывом от выполнения производственной программы персонала, техники или лошадей. Стремление дирекции

завода минимизировать собственное участие в этом процессе воспринималось вышестоящими органами как «политическая близорукость». По сути, все проблемы социально-бытового плана, которые не могли решить администрации населенных пунктов, возлагались на конкретные производственные предприятия. И они были вынуждены эти проблемы решать, в том числе используя не по прямому назначению выделенные им производственные мощности, сырьевые ресурсы, финансовые средства, кадры. Только благодаря «внутренним резервам», обходным маневрам, директивным, силовым, добровольно-принудительным методам или энтузиазму заводчан можно было минимизировать издержки централизованной плановой системы распределения ресурсов, поддержать на минимально необходимом уровне жизнедеятельность коллектива предприятия.

Приведем в качестве примера дискуссию, которая возникла в ходе партийного собрания между директором завода А. М. Макаровым и представителем городского комитета ВКП(б) Дорофеевым. Макаров:

Вопрос с дровами. Нельзя превращать завод в собес. Нужно прямо сказать, что дровами завод всех не обеспечит, общественные организации неправильно ориентируют народ, заявляя, что дрова даст завод. В первую очередь дадим стахановцам, затем командному составу и семьям военнослужащих. У нас 3000 рабочих, если каждому дать по кубометру, то нужно 3000 кубометров, где мы их возьмем? Талоны на дрова будем давать после того, как начальники цехов дадут списки. Вывозить дрова всем не будем. У нас одна лошадь, и она много не вывезет.

Представитель горкома ВКП(б) Дорофеев возражает:

Дрова — это очень важный вопрос. Макаров неправильно ориентирует народ. Установка Обкома партии такова, что завод должен обеспечить народ дровами. Бросить коллектив на произвол судьбы нельзя. Где рабочие возьмут сами себе дрова? Когда они имеют на это время? Ведь они работают по 12–18 часов в сутки. Могут ли они заниматься еще дровами? О чем думает Федорович (председатель профсоюзного комитета. — А. К.), ведь он специально призван на то, чтобы обслуживать рабочих [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 117–118].

Костомаров предложил вполне традиционный способ решения проблемы: «Вывоз дров... Нет такого положения из которого нельзя было бы выйти, которого не решили бы умные мозги. Можно дать рабочим водку на вывозку дров, и мы за эту водку сумеем вывезти дрова» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 123]. Этот специалист технологического бюро отмечал необходимость не только доставки, но и охраны дров от расхищения: «...с дровами получается так, что Мотозавод — школа воровства. Вопрос с дровами настолько обострился, что надо понести большую ответствен-

ность. Привозят к нам дрова, но они полностью не используются — потому что их растаскивают из-за отсутствия сараев» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 241].

Эффективность работы руководства предприятия в предлагаемых обстоятельствах и степень удовлетворенности работников условиями труда сложно оценить однозначно. Статистика по данным показателям отсутствует в силу субъективности оценок. Соотношение претензий, с одной стороны, и благодарностей, с другой, в адрес руководства, разумеется, будет в пользу первых. В материалах партийной организации в подавляющем большинстве описываются случаи несправедливости, примеры нарушения законных принципов распределения, поскольку обсуждение инициировалось именно теми, чьи права были нарушены. Общий настрой большинства партийных собраний весьма критический. Оценка протоколов собраний нижестоящих партийных организаций вышестоящими, по всей видимости, основывалась, помимо прочих, и на таком показателе, как уровень критики и самокритики. Учитывая это обстоятельство, сложно сделать вывод относительно справедливости системы распределения в целом. Принимая во внимание дефицит ресурсов, однозначно можно утверждать, что их на всех не хватало, как следствие, всегда были те, кто оказывался обделенным. Объективная оценка возможна только в той ситуации, когда приводятся конкретные данные о расходах в выполнении производственной программы, о времени, затраченном на выполнение задания, уровне оплаты труда и объеме выделенных продуктов или материальных благ. Сопоставление уровня потребления работников ИМЗ со средними показателями по городу, области, региону или по отрасли может быть предметом дальнейшего исследования.

В отчетных докладах приводятся цифры, которые могут косвенно свидетельствовать о степени благополучия и удовлетворенности решением бытовых проблем. Это показатели текучести кадров, а также данные о количестве работников, страдающих дистрофией. В октябре 1943 г. по итогам обсуждения на партийном бюро ИМЗ доклада главного бухгалтера завода Тарасова «О состоянии трудовой дисциплины и табельного учета на заводе» было принято постановление:

Состояние трудовой дисциплины на заводе явно неудовлетворительное. Невзирая на энергичную борьбу с прогульщиками и дезертирами, которая ведется на протяжении 21 месяца, юр[идическим] бюро завода и отделом кадров (710 законченных и 88 незаконченных дел, а всего 798 дел) по линии чисто судебной репрессии, борьба эта, в конечном итоге, положительных результатов не принесла, так как волна прогулов не только не спала, а, наоборот,

поднялась. Так, например, если в феврале сего года было 28 судебных дел, то в сентябре число их дошло до 59, т. е. свыше чем 100 %. Что же касается случаев дезертирства с завода, то число их дошло в июне с. г. до 27 и даже после распространения на ИМЗ закона от 10 сентября 1943 г., Указа Президиума Верховного совета СССР от 28 июля 1941 г. и Инструкции СНК СССР от 3 января 1942 г. о подсудности дел о дезертирстве уже не Народному суду, а Военным трибуналам, все же в сентябре было 18 случаев дезертирства, что означает, что с ИМЗ через день почти был побег в сентябре [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 222–223].

При обсуждении проблем табельного учета вновь поднимается проблема дезертирства. Овчаренко: «С дезертирами неблагополучно, передача дел в суд задерживается, и имеются случаи покрывательства... Сейчас у нас много ремесленников, которые зиму работали и сейчас они собираются бежать. Необходимо принять решительные меры в отношении ремесленников». Михайлов: «...у меня из цеха сбежало два человека, подал дело в юр[идическую] часть, результатов нет, и меры не принимаются. У меня есть предложение отбирать у ремесленников паспорта» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 148]. Как выяснилось, с наступлением весны количество дезертиров растет. Для борьбы с этим явлением предлагают ввести санкции, ограничить возможность передвижения граждан. Начальник цеха № 7 Федорович:

...не выходят на работу — оформляешь дело в юр[идическую] часть. Юр[идическая] часть пишет не выход на работу из-за обуви, народ симулирует, и не надо мягко обращаться с дезертирами. Далее из цеха № 7 пять человек убежали, из них трое из одной деревни в 30 км от Ирбита, и когда дело передали в юр[идическую] часть для привлечения к уголовной ответственности — результатов до сих пор нет, и народ потихоньку убегает [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 150].

Рассматривая стимулы к труду в военное время, отмечалось, что работа на предприятии являлась источником получения материальных благ. Очевидно, что бегство, дезертирство с завода могло быть спровоцировано помимо тяжелых условий труда еще и дефицитом продовольствия, суровыми условиями для проживания.

Парторг ЦК ВКП(б) на заводе Кузнецов: «Цифры ужасные [август 1944 г.], и с каждым днем положение обостряется. За первый квартал рост имеем... По заводу осуждено в первом месяце — 9 человек, во втором — 12, в третьем — 8. По заводу отдано под суд 1 месяц — 13 человек, 2 — 20, 3 — 31» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 150]. В отчетном докладе Кузнецова «О работе партийного бюро завода за период с 25 августа 1943 по 20 сентября 1944 г.» говорилось: «Сведения о текучести рабочей силы

за отчетный период. Принято с 01.09.1943 по 01.09.1944 — 996 человек, уволено 981 (на учебу, болезнь, семьи фронтовиков), дезертиров 181, всего нарушителей трудовой дисциплины (прогулы, опоздания) 413 чел.» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 6, л. 21]. Отметим, что общая численность работающих на 1 сентября 1944 г. составляла 2096 чел. [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 6, л. 33].

С окончанием войны проблема оттока кадров, прежде всего высококвалифицированных, еще более усугубилась, в основном за счет эвакуированных сотрудников. Среди прочих оснований, которые формулировались в заявлениях с просьбой разрешить уехать из Ирбита, встречаем необходимость воссоединиться семьей, поступление в вуз, невозможность получить качественные медицинские услуги, суровый климат, а также плохое качество жилья.

В марте 1944 г. на партийном бюро был заслушан доклад о работе заводского медпункта. В выступлении медицинского работника Хватковой говорилось:

...дистрофия — это на почве недоедания, и нужно к этому вопросу посерьезнее отнестись. Если человек выполняет норму, то дают дополнительный талон на горячее питание, а если он по болезни не выполняет, так нет ему ничего. Неверно вопрос ставите, кормить народ нужно. Дистрофия первой степени — возвратимый [процесс], второй степени — переходит к тяжелому моменту, а третьей может кончиться неблагоприятно. Дистрофию допускать нельзя. Если мы даем справку перевести, по той или иной причине, на легкую работу, так нужно переводить. ...И мне хочется помочь вашему заводу в отношении дома отдыха без отрыва от производства... Дежурство в общежитиях нужно устроить, потому что могут быть занесены инфекции — случаи с тифом... С водой в Ирбите неблагоприятно, воду кипятить нужно [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 135–136].

В постановлении партийного бюро по итогам обсуждения данного вопроса говорилось: «...за последнее время усилился рост дистрофии, так, например, в январе имелось случаев — 31, а в настоящее время — 65, меры борьбы с дистрофией принимались недостаточные» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 5, л. 136].

Позволим себе привести в этой связи факт, который выходит за определенные нами хронологические рамки и относится к 1946 г., но характеризует отношение работников ИМЗ как к материальным благам, так и их распределению. В протоколе общего закрытого партийного собрания, датированного апрелем 1946 г., при обсуждении вопроса «О хранении партийных документов и повышении революционной бдительности» приводятся слова директора завода Макарова: «Отношение наших рабо-

чих к военнопленным не такое, какое оно должно быть. Часто можно видеть передачу хлеба и табака военнопленным, что, конечно, не должно быть, нужно не забывать, что они враги...» Этот тезис нашел отражение и в итоговом постановлении: «...п. 5. Поручить партбюро провести разъяснительную работу среди рабочих и ИТР завода о порядке отношений с работающими на заводе военнопленными, лишенными свободы». И тут же: «...п. 7. Предупредить коммунистов парторганизации о том, что разглашение решения и обсуждений, проводимых на закрытых партсобраниях, есть нарушение партийного долга коммуниста, а также и коммунисты будут привлекаться к строгой партийной ответственности» [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 10, л. 198–199, 201].

Очевидно, что позиция трудящихся, которые выражали свое недовольство жилищно-бытовыми условиями и качеством снабжения, противопоставлялась позиции руководства предприятия, которое констатировало вполне приемлемый в условиях войны уровень благосостояния работников. Так, выступая на партийном собрании в октябре 1942 г. и отвечая на критику в свой адрес, директор завода В. Н. Полевский отмечал:

По бытовым вопросам — если мы посмотрим, увидим, что более 585 человек одеты с ног до головы, 167 пар сапог выдано, 23 пар галош без ОРСа. Выдано мануфактуры 3 тыс. метров. Во всем Ирбите нет такой организации, где выдавалось бы такое количество. Возможно, что одежда и обувь попадает не тому, кому нужно, за этим нужно следить. Ведь не один директор управляет заводом, а где вы были при распределении вещей? Ведь вы больше знаете, кто больше нуждается. Моя вина заключается в том, что я дал нач[альствующему] составу, нужно было дать народу. Все вопросы, связанные с условиями быта, должны иметь гласность. Мне крепко попало за кожу — приказ о премировании рабочих кожей подписал начальник Главка — 50 % получило коммунистов [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 28].

В резолюции по отчетному докладу партийного бюро «О работе за период с января по октябрь 1942 г.» на положительных моментах внимание не заостряли:

Наряду с целым рядом проведенных бытовых мероприятий (огороды, помощь посевным материалом и т. д.) остались без достаточного внимания: жилищный вопрос, общежития рабочих и особенно ремесленников-детдомовцев, вопрос ремонта и пошива обуви. В результате бюрократического отношения к вопросам быта имеют место прогулы молодых рабочих из-за отсутствия обуви, рабочие опаздывают с обеденных перерывов из столовой из-за недостаточного количества посуды, а в общежитии ремесленников построены печи без задвижек [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 34].

Спустя год, в сентябре 1943 г., по итогам обсуждения доклада директора завода Макарова «О мероприятиях по коренному улучшению мате-

риально-бытовых условий трудящихся» вновь формулируются задачи на будущее, многие из которых не были решены в прошлые годы:

Расселить 20 семей рабочих, живущих в залитых водой квартирах, за счет нового дома и жилфонда города; довести на каждую койку в общежитии по две смены белья; пустить в эксплуатацию столовую комсостава; организовать рыболовецкую бригаду в составе 6 человек; организовать команду охотников по добычи дичи (выезд по выходным дням); довести в сапожной мастерской ремонт обуви до 150 в месяц; организовать пошив обуви с использованием бракованных резиновых покрышек с брезентовым верхом в количестве 250 шт.; обеспечить рабочих, ИТР и служащих мылом в количестве 4 тонн; организовать столовую для туберкулезников на 150 человек; организовать парикмахерскую на заводе на 3 кресла; организовать стирку белья для одиночек [ЦДООСО, ф. 2175, оп. 1, д. 1, л. 126–128].

Этот план конкретных мер позволяет судить как об остроте тех или иных социально-бытовых проблем, их актуальности для работников, так и о степени их решения спустя год.

Перечень социально-бытовых проблем, которые вызывали нарекания рабочих и обсуждались на партийных собраниях, вполне традиционен: заработная плата, продовольствие, жилье, гигиена и санитария (туалеты, питьевая вода, душ, баня, прачечная, парикмахерская, сушильные шкафы, смена постельного белья, дефицит мыла и борьба со вшами — последнее приобретало особую остроту в связи с угрозой эпидемии тифа), одежда и обувь (пошив и ремонт), ремонт жилых помещений (стройматериалы, печные работы, остекление, крыши) и т. д. Ближе к концу войны становятся актуальными проблемы с организацией профилакториев и детских лагерей.

Такое обилие проблем не удивительно, так как они являются традиционными как для военного, так и для мирного времени. Пожалуй, в годы войны перечень этих проблем расширяется, а вот острота обсуждения микшируется, сглаживается поправками на условия военного времени. Сам факт обсуждения и попыток решить эти проблемы делает честь руководству завода и общественным организациям. Положительную оценку заслуживает и тот факт, что попытки списать всё на войну и экстремальную ситуацию не всегда находили поддержку. Даже сравнение работы в тылу с условиями фронта не снимало с руководства ответственности за создание оптимальных социально-бытовых условий, требовало от него поддержание социальной инфраструктуры на минимально допустимом уровне. Это направление деятельности рассматривалось как одно из условий для выполнения все возрастающих производственных заданий.

Дефицит профессиональных кадров, отток эвакуированных, стремление закрепить за предприятием специалистов — эти и многие другие факторы лишь обострялись к концу войны, не снимали, а, напротив, актуализировали социальную проблематику. Рассмотрение проблем социально-бытовых условий граждан СССР в годы Великой Отечественной войны представляется нам важной частью изучения истории повседневности, которая позволяет воссоздать атмосферу военных лет. Изучение жизни в тылу дает возможность отчасти избавиться от пропагандистских иллюзий, увидеть реальные проблемы работников тыла, по достоинству оценить те сложности, порой трагические моменты, которые им пришлось пережить. Анализ производственной деятельности в условиях войны, в условиях самоограничения и минимального уровня обеспеченности материальными благами, ставивших многих из заводчан на грань физического выживания, позволяет осмысленно и рационально оценить их вклад в обеспечение фронта военной техникой, предопределившей в конечном итоге исход войны.

Буланов А. И., Живулин В. А. Мотоциклетная столица / Ирбит и Ирбитский край: очерки истории и культуры. Екатеринбург : Сократ, 2006. С. 210–223.

Булгаков М. А. Собачье сердце // Вехи : Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы [Электронный ресурс]. URL : <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (дата обращения: 08.02.2014).

Килин А. П. Ирбитский мотоциклетный завод: формирование коллектива (1941–1944 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 133–152.

Коммунар : [газета : орган Ирбитского городского и районного комитетов ВКП(б), городского и районного Советов депутатов трудящихся Свердловской области]. 1943. 23 дек.; 1944. 17 авг.; 1945. 8 апр.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОСПЭН, 2001.

Прохоров А. П. Русская модель управления. М. : Журнал Эксперт, 2002.

Серж В. От революции к тоталитаризму : Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М. : Праксис ; Оренбург : Оренбург. книга, 2001. Или URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7247> (дата обращения: 05.02.2015).

Соловьева В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации : дис. ... к. и. н. : 07.00.02. Екатеринбург, 2011.

ЦДООСО. Ф. 2175 (Первичная организация КПСС Ирбитского мотоциклетного завода).